

Орест Михайлович Сомов. Сватовство

Из воспоминаний старика о его молодости

Изд.: Советская Россия, 1984

OCR: Андрей Колчин

Гей, гей! та нігде правди діти!

Котляревский

Мне было двадцать лет, и уже преосвященнейший владыка нашей епархии назначал меня ставленником в диаконы; из милости к отцу моему и ко мне ожидал только хорошей вакансии, т.е. чтобы поставить меня диаконом в сытное место, где бы мне можно было со временем быть и священником. Проклятые каникулы все это расстроили; и теперь я, низайший, состою в чине 9-го класса и буду состоять по конец дней моих; ибо

...чин асессорский, толико вожделенный. как говорит один поэт, мой земляк, вечная ему память!, сей чин асессорский, говорю, есть для меня кислый виноград, потому что достать его мне век не удастся. Скажете вы: экзамен? - Да, экзамен! Нынешние ваши экзамены для нас, стариков, темна вода во облацех. В старину, бывало, кто знал четко и правильно писать, смыслил, где должно поставить е и где ь, разумел четыре правила из первой части Руководства к арифметике да приметался к делам, - тот был куда знающий человек и ученый чиновник! А ныне у вас математики чистые, да прикладные, да живые языки, как вы их называете, да право римское, да то, другое, третье право... так что, право, от одного вычисления этих прав язык устанет. Где еще! знай-де словесность, умей писать ясно и красно!.. Что-то бы сказали об этом старые дельцы, которых вы, нынешняя молодежь, называете крючками, шпаргалистами, крапивным племенем и другими позорными именами? "Какое тут красноречие, - молвил бы из них любой, - где надобно сплеча валять: приказали: понеже и т. далее. И где тут добиться ясности, когда, например, самое дело перепутано как паутина?" Однако я с своим вопиющим горем отбилсь от настоящего дела. Простите, господа! всему виною лишний десяток лет за плечами да врожденная наша украинская привычка, по которой часом у нас и слова не выманишь, будто губы на замке; а часом, коли бог пошлет охоту язык почесать, - так и не остановишься: откуда слова берутся! Уж подлинно, от избытка уста глаголют!

Может быть, господа, вы дивитесь, переглядываетесь и перешептываетесь: Кто-де с нами говорит? и какой-де след незнакомому человеку затрагивать незнакомых; жителю уездного городка говорить со столичными и простую речь дразнить наш слух, привыкший к отборным выражениям и затейливым приветствиям?.. Извольте, господа! донесу вам о себе все, что следует. Напомню вам только, что я сам был из ученых, и если бы не проклятые каникулы, то, может статься, и до сего дня не разогнался бы с латынью. Как это было, о том следует ниже. Прошу прислушать.

Мне было двадцать лет, - как уже я имел честь донести вам, - я прошел философию и поступил в богословы. Июнь месяц приближался тогда к концу. Я отбыл свой экзамен и отправился в дом родительский, К*** повета в село Кроха-лиевку, где отец мой был единственным священником многолюдного прихода. Отец мой имел большой почет не только от казаков и мужиков, но и от мелкопоместных дворян, или панков, которых было душ десятка три в Крохалиевке. Правда, и было за что уважать отца Калистрата Сластёну: он сам из предков был дворянин, кроме церковной земли, имел десятин сорок собственной, еще и с лесом. Один сад с плодовыми деревьями был у нас такой большой, что устанешь, бывало, покамест обойдешь его. Прибавьте же к этому еще пасеку, на которой было до тысячи ульев пчел, - да славный доход от прихода за требы мирские, за христосла-вие, ходы с образами и пр. и пр. - и тогда вы не подивитесь, коли я вам скажу, что отец Калистрат Сластёна не только мог равняться со всеми крохалиевскими панками, но и был зажиточнее любого из них. Многие даже были ему должны немалые суммы денег. Бывало, как он идет в праздничный день по селению, в гродетуровой своей фиолетовой рясе, в светло-зеленом камчатном полукафтани, в пуховой шляпе с большими полями, держа в руке высокую камышовую трость с позолоченным набалдашником, - то все, от мала до велика, кланялись ему в пояс, изъявляя знаки глубочайшего уважения к его особе. Правда, он умел поддерживать сие высокое мнение о нем в прихожанах: вел себя с надлежащею важ-ностью, не любил куликать на